



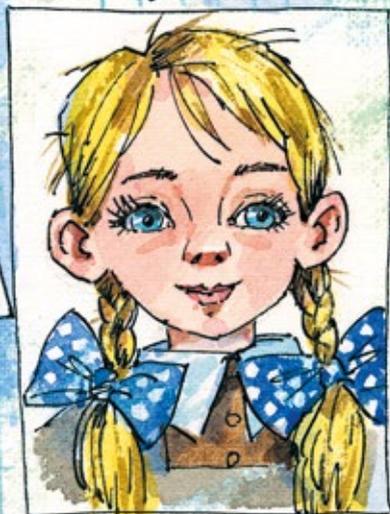
Толя



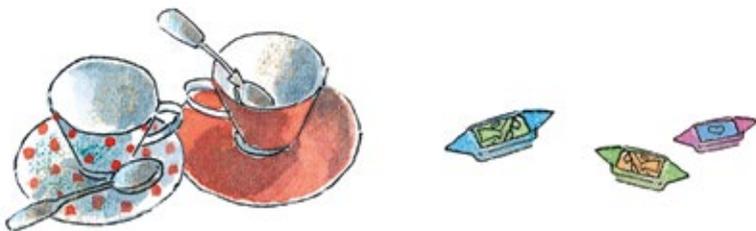
Зоя



Генка



Наташа



*Вандал, варвар, гунн! Но в отличие
от них на тебе лежит печать цивилизации
нескольких столетий! Может быть,
ты считаешь, это не имеет значения?
Посмотрим, посмотрим...*

Из высказывания тёти Оли в мой адрес

Тетрадь с фотографиями

Эта история началась с того, что отец, уезжая в командировку, поручил мне купить подарок маме ко дню рождения. Он оставил целых десять рублей, но, прежде чем удалиться, всё же спросил:

— Надеюсь, ты меня не подведёшь?

Я, конечно, успокоил его самым решительным образом.

Если бы с нами рядом была тётя Оля, то она обязательно сказала бы под руку: «Неистребим дух хвастуна!»

Это я-то хвастун?! Посмотрим, посмотрим...

Да! Вы же не знаете тёти Оли. Это наша родственница и домашняя прорицательница. Она учительница литературы в отставке, ей уже за шестьдесят. Между прочим, большая благодетельница: уступила мне свою комнату, а сама переехала к сестре

на другой конец Москвы. Получается, что она ничего, не тычет в нос своей добротой, как другие. Ну, отдала комнату и отдала и не напоминает. Но зануда! У-у-у, зануда номер один.

Она воспитывала меня с пелёнок: говорят, запрещала писаться и плакать. И вроде бы ей удалось кое-чего добиться, но, я думаю, это легенда, которую она распространяла сама. Не верится, чтобы я с моим характером поддался ей. Ни за что!

В общем, она умоталась, и слава богу, потому что я не люблю, когда меня постоянно воспитывают. Иногда даже хочется сделать что-нибудь хорошее, но специально отказываешь себе в этом, чтобы не подумали, будто я поддался воспитанию. Хотя тётя Оля это делает хитро и незаметно.

Но меня не проведёшь. У меня глаз намётанный. Я давно усвоил: главное в жизни — не поддаваться, а то погибнет всякая индивидуальность. А её надо беречь.

Я, например, принципиально не собираю марки, потому что в нашем классе их собирают все; плохо учусь, потому что у нас все учатся хорошо. Как-то я сострил на истории, что урок выучил, но отвечать не буду. Правда, за это меня выгнали из класса и вlepили единицу, а отец обозвал балбесом и кричал, что я значение слова «индивидуальность» понимаю шиворот-навыворот.

Хе-хе-хе, если бы тётя Оля услышала словечко «умоталась»! Вот бы подняла шум: «Что ты делаешь с великим русским языком? Это же святыня святынь! На нём разговаривал сам Пушкин!»

Но оставим тётю Олю в покое.

Так вот, заметьте, уже на следующий день после отъезда отца я собрался идти за подарком. Я не люблю откладывать важные дела в долгий ящик.

Только я вышел на улицу, как встретил своего лучшего друга Сашку Смолина.

— Ты куда? — спросил Сашка.

— Никуда, — ответил я. — А ты?

— И я никуда, — сказал Сашка.

— А у меня, — сказал я, — есть десять рублей, — вытащил папину десятку и похрустел перед Сашкиным носом.

— Подумаешь! — сказал Сашка.

— Да это же мои собственные! — возмутился я.

— Ври, да не завирайся. Вот чем докажешь, чем?

Мне надо было остановиться и ничем не доказывать, но хотелось добить Сашку, и я небрежно сказал:

— Пошли в кино.

И разменял папину десятку.

А через несколько дней раздался междугородный телефонный звонок. Конечно, это звонил отец. Он беспокойный тип: стóбит ему уехать, как тут же начинает названивать чуть ли не каждый день. Когда он узнал, что мамы нет дома, то стал спрашивать про подарок. Я сказал, что уже кое-куда ходил и кое-что видел.

— А куда? — дотошно спросил он.

Я ответил:

— Естественно, в магазин.

— А в какой?

— «Всё для женщин».

— Что-то я такого магазина не знаю, — сказал недоверчиво отец. — А ты, часом, не врёшь?

— Я? Ты что?!

А мне понравилось название «Всё для женщин». По-моему, прекрасное. А он так грубо: «Ты не врёшь?» Недаром тётя Оля говорила про него, что недоверчивость мешает ему наслаждаться жизнью.

— А где он находится? — продолжал он допрос.

— На улице Веснина. Как свернёшь, сразу по левую руку.

— Там всю жизнь была керосиновая лавка! — завопил папа.

— Её снесли, — храбро ответил я. — И выстроили новый магазин.

Ну а дальше в том же духе. Рассказал ему, как этот магазин выглядит и что там продают, а цены, цены — куда там с нашей десяткой! Тут мой папаша почему-то тяжело вздохнул и повесил трубку.

А жаль! Я бы ему ещё многое порассказал, не дали мне до конца расписать прелести магазина «Всё для женщин».

Между прочим, я потом ходил на эту улицу Веснина. Папа оказался прав: там был хозяйственный магазин, и это вызвало у меня большое разочарование.

На всякий случай я вошёл в лавку и... почему-то купил там тюбик синей краски и кисть. Я бы не стал покупать, но в лавке никого не было,

а продавец, сухонький зловредный старик, вцепился в меня хваткой бульдога и навязал.

Я думаю, он в этой лавке работал ещё до революции, а в то время, как известно, была конкурентная борьба, вот он и научился всучивать. А я без привычки растерялся: ухлопал ни за что ни про что ещё один рубль из папиной десятки.

Чтобы как-то успокоиться, я решил пустить краску в дело. Пришёл домой и выкрасил свою кровать в синий цвет. Получилось красиво. А то кровать старая, облупившаяся. Правда, когда я закончил красить, мною овладело лёгкое сомнение, что моя работа может не понравиться маме. Она вполне могла придрататься к тому, что синих кроватей не бывает. А почему, ответьте мне, почему не может быть синей кровати?

Мы встретились с мамой вечером. Нет, она меня не ругала, а просто отвесила хороший подзатыльник.

Не знаю, зачем применять в наше время такие забытые средневековые методы воздействия. Можно придумать что-нибудь пострашнее. Например, не подзывать к телефону, когда звонит Сашка, или выключать телевизор на самом интересном месте.

Рука у мамы тяжёлая, она преподаватель физкультуры, гимнастка, после её подзатыльников у меня голова по два часа гудит. Я проверял по часам. Как после посещения воздушного парада: ты уже дома, и тишина, и самолёты не летают, а в голове гул.

Тут, к счастью, зазвонил телефон.

Мама сняла трубку. Это звонила тётя Оля.

— Приезжай, полюбуйся, что наделал твой любимец! — кричала мама. — Он выкрасил кровать в синий цвет. Может быть, ты теперь скажешь, что у него тяга к живописи! «Не ограничивайте мальчика в фантазии (это она повторяла слова тётки Оли, передразнивая её), дайте ему простор».

Мама повесила трубку и посмотрела на меня. Она действительно была расстроена. С ума сойти, из-за какой-то кровати она готова была заплакать.

— Ну чего ты? — сказал я. — Из-за кровати...

— Да нет, — ответила она, — из-за тебя. Растёшь балбесом.

— Я обязательно исправлюсь, — сказал я. — Честное слово. Вот увидишь.

Мама безнадёжно махнула рукой.

Эта безнадёжность сильно меня огорчила. Я почти целый день об этом думал, но потом забыл. Московская суета!

Как-то мы тащились с Сашкой в школу из последних сил. И вдруг нас нагнала незнакомая девочка.

Она улыбнулась нам, как старым знакомым, и сказала:

— Здравствуйте, мальчики. Не узнаете? Я Настя Монахова.

А я её действительно не узнал, и Сашка тоже не узнал. Она училась с нами до четвёртого класса, а потом на год уехала. Я внимательно посмотрел на неё. Она была Настя Монахова, но какая-то новая.

А мы только перед этим решили пропустить первых два урока и придумали, что соврём, будто



одинокой старушке стало плохо на улице и нам пришлось отводить её домой. Мы даже записку написали от имени этой одинокой старушки и, чтобы наш почерк не узнали, писали в две руки: букву — я, букву — Сашка.

Это всё я придумал, потому что такой случай был в моей жизни, но произошёл он не в будний день, а в воскресенье, и я не смог им воспользоваться.

Правда, эта старушка жила в нашем доме, её звали Полина Харитоньевна Веселова, но мы с нею раньше не были знакомы. А в тот день, когда я её спас от почти неминуемой смерти, она пришла к нам с тортом на чаепитие и долго объясняла маме, какой я замечательный мальчик. Ну, и теперь мы написали записку её словами, теми, которые она говорила про меня маме.

Я ещё раз внимательно посмотрел на Настю Монахову и догадался, что меня в ней поразило: из мелюзги, замарашки она превратилась в настоящую красавицу. Вот что происходит с людьми, когда они долго отсутствуют!

И тут мне почему-то расхотелось пропускать уроки. И Сашке, видно, тоже, потому что он шёл рядом с прекрасной Монаховой и помалкивал.

— А ты, Саша, по-прежнему учишься в музыкальной школе? — спросила Настя.

— Он у нас знаменитый флейтист, — ответил я за Сашку.

— Молодец, — сказала Настя. — А ты, Боря, чем увлекаешься?

— Я? Исключительно ничем.

— Ну и неостроумно. В наше-то время ничем не увлекаться!..

— Ещё один воспитатель на мою бедную голову! — сказал я.

— Извини, — тихо ответила она. — Я не собиралась тебя воспитывать. Просто сказала то, что подумала. Мне тебя жалко стало.

Вот так она меня пригвоздила. А пока я ей собирался ответить, мы уже вошли в класс, и все ребята с любопытством набросились на Настю и оттеснили нас с Сашкой.

Мы сели за парту, но почему-то оба не спускали глаз с Монаховой.



Она нас просто околдовала. «Но посмотрим, поборемся, не на таких наскочила», — подумал я и тут же сделал всё наоборот.

Дело в том, что в этот день меня назначили вожатым в первый класс «А». Об этом сообщила Колобок, то есть наша старшая вожатая Нина, которую прозвали Колобком, потому что она толстуха и всегда что-нибудь жуёт. И представьте, я согласился. Именно из-за неё, из-за Насти.

Вот как всё было. Влетает, значит, в класс Нина, дожёвывая на ходу пирожок. Она у нас такая восторженная-восторженная и говорит всегда торжественно-торжественно, как будто выступает перед толпой.

Однажды, когда я учился в третьем классе, она вцепилась в меня, и не где-нибудь, а на улице, и воспитывала сорок минут.

Сашка в это время стоял в сторонке и ел мороженое. Ему в ожидании пришлось съесть три порции.

Чтобы отделаться от неё, я начал икать. Это очень хороший, испытанный способ. Она тебе слово, а ты в ответ «ик». Она сказала, чтобы я перестал. А я в ответ снова «ик». А потом Нина узнала, что это мой способ отделяться, когда воспитывают, и невзлюбила меня. И вот когда теперь она мне заявила: «А я по твою душу, Збандуто», у меня всё внутри похолодело от предчувствия беды.

— Что это вдруг? — удивился я. — Вроде ещё ничего не случилось.

— Случилось. — Нина загадочно-загадочно улыбнулась.

Настя повернулась в нашу сторону: это был немаловажный момент.

— Интересно, — тут же стремительно вступил в игру Сашка.